

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-6-37-54

УДК 572.029.7.01

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ВКУСА В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Верховцева Ю.А.

Цель. Исследовать понимание вкуса в антропологическом дискурсе. Раскрыть основания вкусовых предпочтений поздней античности, выявить предпосылки эстетического вкуса в учениях древних греков, таких как: Плотин, Прока, Лактанций, Юстин, раннее христианство.

Методы и методология проведения работы. Основа методологической базы в работе образуют реконструкция историко-генетического подхода, гносеологический и аксиологический методы.

Результаты. Результаты работы заключаются в непрекращающемся поиском эстетической категории вкуса, а также духовным кризисом современного общества. И именно в античном мире были заложены основы эстетического восприятия людей, вещей и явлений. Научная новизна исследования заключается в переосмыслении эстетического восприятия вкуса в период поздней античности. Показано отношение к феномену красоты разных философских школ и направлений поздней античности. Также дается представление о ранней вехе эстетического вкуса в сравнении с более ранними античными воззрениями. Ближе к окончанию эпохи эстетические предпочтения были во многом обусловлены молодой христианской религией.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере философии и культурологии.

Ключевые слова: вкус; эстетика; поздняя античность; красота; прекрасное; кинизм; неоплатонизм; раннее христианство.

ANTHROPOLOGICAL UNDERSTANDING OF TASTE IN THE LATE ANTIQUITY

Verkhovtseva Y.A.

Purpose. *The study is to understand taste in anthropological discourse. The relevance of the foundations of taste preferences of late antiquity. To reveal of the premises of aesthetic taste in the teachings of the ancient Greeks: Plotinus, Proclus, Lactantius, Justin, early christianity.*

Methodology. *The basis of the methodological base in the work is the reconstruction of the historical-genetic approach, epistemological and axiological methods.*

Results. *The results of the study are that the by the ongoing search for this aesthetic category, as well as the spiritual crisis of modern society. And it was in the ancient world that the foundations of the aesthetic perception of people, things or phenomena were laid. The scientific novelty of the study is to enrich the theme of aesthetic perception of taste in the late antiquity. The relation to the beauty phenomenon of various philosophical schools and directions of late antiquity is shown. It also gives an idea of the early milestone of aesthetic tastes in comparison with earlier antique views. Toward the end of the era, aesthetic preferences were largely driven by the young Christian religion*

Keywords: *taste; aesthetics; late antiquity; beauty; beautiful; kinism; Neoplatonism; early christianity.*

Античность считается классической эпохой человечества, истоком мировой и европейской цивилизации и культуры. Именно в названую эпоху человек активно познавал окружающий мир. В связи с этим возникали идеи, получившие свое дальнейшее развитие в последующие века европейской истории – идеи соразмерного и разумного общественного устройства, гармонии природы и человека, эстетические представления. И даже более того – в полном смысле этого слова античность можно назвать первоосновой дальнейшего процесса эволюции европейского общества [9, с. 21].

Одним из вопросов философии поздней античности стал вопрос источников и норм вкуса. Вкус – это способность индивида к оценке различных эстетических свойств. Прежде всего, это касается поиска различий между безобразным, прекрасным и красивым [2, с. 143].

В качестве основы этой проблематики в эпоху античности выступала дилемма: нечто будет прекрасным, потому что нравится человеку? Или, наоборот, оно нравится человеку, потому что прекрасно само по себе? Другими словами: прекрасное творит сам художник, или открывает прекрасное в вещах? Актуальность этого вопроса сохраняется до сих пор, поскольку человек продолжает поиски понимания вкуса через призму антропологии. И именно античный мир способен приоткрыть завесу этой тайны. В связи с этим обуславливается переосмыслении категории вкуса во время поздней античности, а также понимание эстетических предпочтений в кругах наиболее авторитетных философских школ.

В эпоху античности в роли прекрасного могли выступать не только явления и предметы, имеющие воздействие на органы чувств и приносящие чувство удовольствия, но и образы жизни, способы правления, поступки и другие стороны жизни. В течение всей античной истории термин «прекрасное» подразумевал общее понятие красоты, направленной на то, что являло собой сущность красоты – космос. Именно космическая красота считалась архетипом земной красоты: земные структуры, несущие в себе соразмерность, меру, устойчивый порядок воспроизводились в космический порядок с его мерцанием небесных тел. По этой причине земные предметы могут быть прекрасны.

Убеждение в красоте мира, онтология прекрасного оставались господствующими принципами на протяжении длительного времени. Еще в архаичном периоде существовало представление что симметрия, соразмерность, упорядоченное соотношение частей, ритм и гармония прекрасны сами по себе, соотносятся вкусом. А именно они делают прекрасными все явления и вещи, в которых присутствуют. Таким образом, красота предметов и явлений была подобна красоте геометрических фигур, она привносится в окру-

жающий нас мир числовыми сочетаниями. Следовательно, ее нельзя воспринимать чувственно. И в этом заключен парадокс: изучая истоки эстетики, формы трактовок красоты, мы имеем дело скорее не с эстетикой, а с ноэтикой (от греч. слова *noesae* — умственное познание). Однако, со временем математические представления о красоте, подразумевающие числа соразмерности визуальных форм, стал перемещаться из космического пространства в антропологические структуры [15, с. 16]. Прежде всего, это было отражено в идеях и взглядах мыслителей поздней античности.

Иной взгляд на проблему вкуса у представителей школы кинизма. При этом исследователи отмечают, что названное направление является наименее изученным и наиболее спорным в философской науке. Оценки идей кинизма характеризуются альтернативным характером. Часть исследователей заостряют внимание на антикультурном, эпатажном поведении киников, их враждебном отношении к древнегреческим ценностям и цивилизации в целом. И даже название школы этимологически связывают со словом «суоп», что означает «собака». Также название школы связывают со словами «супорес», «сунеос» — «бесстыдный», «наглый». Другая же часть исследователей делают акцент на разработанной философской системе киников [14, с. 124]. И вовсе не удивительно, что при таком контрасте суждений вкусы киников являли собой довольно специфичное явление.

Так, эстетика киников заменила физическую красоту космоса духовной «естественной» красотой человека. Внешнее безобразие не только не мешало человеку, но и помогало ему проявиться. Такие вкусовые предпочтения были чужды более ранней античности. Киники же полагались не на физическое понимание красоты, а на «красоту духа». Они провозглашали примат содержания над формой. Чем настойчивее общество, в котором существует человек, доказывало ему, что он «одушевленное орудие», «служебное тело», иными словами стремилось к деперсонализации, тем более энергично индивид проявляет себя как личность, заявляет о своем духовном превосходстве над обществом.

Такое антропологическое и гуманистическое восприятие вкуса придерживалось классовой оценки всего прекрасного. То, что господа считали прекрасным, по мнению киников становилось некрасивым. Безобразное и прекрасное менялись местами: известный и красивый атлет, восхваляемый поэтами, становился объектом издевательств и насмешек со стороны киников. И напротив, гонимый раб Эзоп, Кратет, и Сократ, обладающие внешним уродством, выступали в роли образцов истинной красоты. Во многих моментах вкусовое восприятие киников было определено моральными требованиями. Связывая этическое с эстетическим, киники вовсе не преподносили красоту как символ нравственности. Символом вполне могло стать и внешнее безобразие [8, с. 14].

Таким образом, для киников был характерен вкус, в соответствии с которым они видели красоту в обыденном. Тем самым они привлекали внимание к «маленькому человеку», скрашивали его жизненную горечь шуткой. Они могли изобразить безобразное так, чтобы оно вызывало не отторжение, а наоборот, становилось причиной положительных мыслей и эмоций [8, с. 36]. Понимание вкуса через призму прекрасного у киников заключалось не в простом игнорировании красоты. Отрицание красоты необходимо оценивать с эстетической точки зрения. Это есть не безучастное и пассивное игнорирование красоты, а активно-эстетическое утверждение отсутствия категории красоты. Иными словами, речь идет об эстетике безобразного. Античный кинизм – это эстетика безобразного, учение о феномене безобразного как категории эстетической сферы. Как категория эстетики, безобразное – это противоположность прекрасному. Ею обозначают отношения и явления, имеющие связь с антиценностью, негативными эмоциями, чувствами отвращения и неудовлетворения [7, с. 146].

Отрицая культуру господ и официальную культуру, киники признавали прекрасным и то, что всегда ценил и почитал народ – мифы, фольклор, эпос Гомера, здоровую красоту. Заключающийся в состоянии противоречия со своим собственным лозунгом «переоценки ценностей». Однако отрицание киников нельзя считать бессодержа-

тельным и пустым. На глубинном уровне этого отрицания пробивался родник народного здравомыслия, находившийся в состоянии враждебности пустопорожнему нигилизму. Отсюда выходят действительные и кажущиеся противоречия в их теоретических постулатах, отрицающих общепринятые вкусовые предпочтения [8, с. 15].

Эстетическая адаптация, свойственная для киников, как приспособление форм произведений к образу мыслей и вкусам публики, по своей сути была демократичной. Диатриба и «Меннипова сатира», как и другие виды ямбической поэзии (холиямбы и мелиямбы), возникшие в среде киников, заимствовали многое у фольклора. Тем самым происходило демократизирующее воздействие на искусство античности [8, с. 16].

Не меньший интерес для понимания вкуса представляют воззрения представителей неоплатонизма. Главный представитель неоплатонизма – Плотин, выходец из Египта. Каждый элемент философской мысли Плотина находится у Аристотеля и Платона. Однако мыслителю удалось свести все элементы в единое стройное и грандиозное мировоззрение, составляющее достойнейшее завершение античной философии [10, с. 5].

В концепции Плотина категории вкуса отводится важное место. Красота – это высшее проявление бытия. Из этого следует, что более высокий уровень красоты обуславливает высокий уровень бытия. И напротив, безобразное – это свидетельство отсутствия бытия [13, с. 33]. Мыслитель указывал на то, что прекрасное воспринимается людьми преимущественно благодаря зрению. Также красоту можно воспринимать благодаря слуху. Прежде всего, это касается музыки, т.к. ритмы и мелодии могут быть прекрасны. Но особым образом Плотин выделял индивидов, способных подняться выше чувственного восприятия. Такие личности видят прекрасное не только в вещах или музыке, но и в добродетели, в знаниях, свойствах, в поступках.

Заслуга мыслителя в исследовании эстетического вкуса нам видится в том, что он пытался выяснить, что же заставляет звуки и тела казаться прекрасными. Так, Плотин уверял, что подавляющее

большинство людей считает, будто красота – это порождение соразмерности частей друг с другом, а также гармоничное цветовое сочетание. А значит, красота по мнению большинства – это соразмерность и симметрия. Следуя такой логике, простое никогда не будет казаться прекрасным. И даже отдельные части сложного не будут восприняты как нечто красивое, они должны сочетаться с целым.

Плотин был в корне не согласен с этим. Ведь если целое считается прекрасным, то и части будут прекрасны, поскольку прекрасное не может включать в себя безобразные части. Также мыслитель приводит в пример свет солнца. Он задается вопросом: Краски света просты и имеют красоту не благодаря симметрии, будут ли они исключены из разряда прекрасных вещей? [10, с. 16]. Подобные аналогии Плотин проводит с золотом, звездами, ночной зарницей. И если Платон останавливается на идее Прекрасного, то Плотина тот же путь приводит к Уму. Это говорит нам о том, что для Плотина одно будет тождественно с другим. При восхождении по ступеням диалектики душа сначала достигает Ума, а затем приходит к пониманию, что все идеи прекрасны в уме. Согласно Плотину, Ум – это естественное искусство, отраженное в чувственных вещах.

Эстетика Плотина буквально пронизана идеей того, что красота не добавляется к предметам извне, в роли привходящего свойства, но составляет их суть [11, с. 167]. Источник красоты по Плотину – это бесконечные в своем разнообразии и вечно существующие идеи, находящиеся одна внутри другой. Они не смешиваются, а образуют единство интеллигибельного мира, мира идей.

Плотином была разработана иерархия красоты, включающая в себя три ступени восхождения:

1. Низшая ступень – красота, которая воспринимается чувственным миром. К ней можно отнести материальную красоту прекрасного, с физической точки зрения, тела, произведения искусства.
2. Вторая ступень – красота, постигаемая человеческой душой. На этой ступени происходит восприятие идеальной красоты души человека, природы, добродетелей, знаний и наук.

3. Первая ступень – высшая ступень, красота умопостигаемая. Она эманурует от самого Бога, который воспринимается как воплощение единства блага и прекрасного – калокагатии [12, с. 33].

С верхних ступеней на нижнюю можно спуститься при помощи эйдосов. Красота проистекает от Бога. С каждой ступенью ее степень будет уменьшена. На основании такого подхода к эстетической категории вкуса Плотин в качестве цели земной жизни называл отрешение от телесности ради возвращения сознания к сверхчувствительной жизни, в которой происходит созерцание идей. Главное условие достижения этой цели – неукоснительное соблюдение условий нравственной жизни. Для мыслителя вся красота мира уступала красоте добродетельной души. Красота – это лишь отблеск идеального мира, а значит, она тождественна благу [12, с. 34].

Также Плотин указывал на то, что настоящую красоту можно увидеть лишь тогда, когда индивид закрывает глаза на все телесное и «погрузится», «заглянет» в самого себя, научится созерцать красоту души, внутренний блеск. Мудрец считал, что внутренним зрением обладают все. Сложность заключается в том, что далеко не все могут воспользоваться им: Восходи к самому себе и смотри. Если ты видишь, что сам ты еще не прекрасен, то подобно тому как творец изваяния в том, что должно стать прекрасным... удаляй все лишнее и выпрямляй все кривое... Ибо только твой глаз видит великую красоту [10, с. 15]. Красота является прекрасной сама по себе лишь на основании факта своего бытия, а не по другой внешней причине. Красота будет являться объективной.

В результате иерархичное восприятие красоты нашло свое воплощение в трех моделях, получивших свою разработку в последующих эстетических восприятиях.

Так, первым типом считается красота, в которой наблюдается яркое стремление к утверждению мужественности, героического духовного проявления, что перешло в скупость, строгость и лаконичность в изобразительных средствах.

Второй тип раскрывает лирическое, женственное начало, устремленность к большей выразительности, легкости, отразив-

шихся в яркой окраске и в изобилии декоративных мелких деталей. Последняя модель красоты имела направленность к культу утонченности, внешней экспрессивности, пышности форм, чувственности. Важным будет заметить, что эти три основных типа художественного мировосприятия не только касались сферы культуры и философии, но и входили во все грани эстетики античных вкусовых предпочтений [12, с. 34]. Рассматривая искусство, Плотин уверял, что источник прекрасного заключается в форме, которая сама имеет своим началом создателя. Так, от художника или скульптора красота приходит и в произведение. И если допустить, что материя уже по своему существу характеризуется как прекрасное, то необходимо признать, что Дух творчества не может обладать красотой, поскольку он ни масса, ни материя.

Важным Плотин считал следующее соображение: человек зачастую не имеет привычки всматриваться в самую глубь вещей, дабы понять их сущность и внутреннюю красоту. Как правило, индивид довольствуется лишь тем, что видит снаружи. Но именно внутри скрыто то, что в наибольшей степени способно увлечь своей красотой. Ведь ни величина, ни масса не могут стать причиной наших симпатий к чему-либо. В качестве доказательства этого тезиса Плотин указывает на то, что нам нравятся и науки, и человеческие поступки, все то, что имеет начало в душе. В таком случае открывается намного большая красота, чем где-либо. Например, когда мы наслаждаемся мудростью, то мы не обращаем внимания на наружность человека, на лицо, на форму тела. И даже более того – нас привлекает только внутренняя красота [10, с. 194]. Как мы видим, эстетические представления Плотина имеют схожие черты с школой кинизма. Также, как и киники, Плотин призывал обращаться не к внешней оболочке, а заглянуть в саму сущность предмета. Таким образом, вкус представителя неоплатонизма имел под собой основание нравственности и добродетели. Уродство заключалось не столько во внешности, сколько в злой сущности вещей, явлений или поступков.

После Плотина наиболее крупной фигурой в неоплатонизме можно считать Прокла. Философское наследие Прокла представля-

ет собой поистине уникальное явление в культуре поздней античности. Именно Проклу удалось выразить важную для античной эстетики идею, в соответствии с которой красота наделена нейтральной природой и в отношении абстрактного мышления, и в отношении чувственного восприятия. Она есть ни то, ни другое, но ей присуща собственная, ни на что ни сводимая природа [6, с. 285].

Касаясь вкуса в области искусства и художественной политики, Прокл указывает на то, что главной проблемой в них остается красота. Благодаря красивому ритму и красивой гармонии происходит украшение внеразумного.

В рассуждении Прокла будут важны два принципа:

1. Для красоты поэзии необходимо соблюдать разумную структуру.
2. Ритм и гармония относятся к иррациональной стороне искусства [5, с. 306].

Красота, согласно Проклу, – это совершенство блага нацеленное на любовь в красоте. Однако стремиться необходимо лишь к тому, что является благом и что действительно необходимо. Из этого следует, что красота – это предмет нашей любви. Красота Прокла – это эйдос, имеющий под собой основание добротной и абсолютно слаженной реальной субстанции. Красота внутри себя – это бесконечно бурлящая жизнь самочувствия, проявляющая себя как соразмерность, как определенность и совершенство в форме особого рода справедливости, одинаковых и в душе человека, и в неодушевленных предметах.

Подразумевая обязательную для античной красоты производственную адекватную осуществленность, можно завести речь о теле красоты, о ее обязательной телесной осуществленности. Часто можно услышать, что античные люди являлись стихийными материалистами. И это утверждение окажется верным даже относительно такого крайнего идеалиста, как Прокл. Красота, которую он формулировал и проповедовал, уходила корнями в глубину нерушимого добротного существования и была завершена достаточно телесной формой смысловой структуры [4, с. 373]. Таким образом,

Прокл подразумевал, что вкусовые предпочтения того или иного индивида имеют прямую связь с его внутренними устремлениями.

В дальнейшем античные акценты эстетики были смещены. Если на начальных этапах поздней античности мыслители обращались, скорее, не к конкретным идеалам красоты, а к их источникам, то ближе к упадку Римской империи начали свое формирование более конкретные учения о вкусах. На наш взгляд, это было обусловлено зарождавшимся христианским миром, поиском божественного в человеке.

На последних этапах поздней античности особо выделялся своими эстетическими воззрениями Лактанций, прозванный также «христианским Цицероном». Стоит отметить и то, что некоторые исследователи считают, что Лактанций находился на перекрестке эпох [13, с. 4]. Прежде всего, он подчеркивал красоту естественную. Это касалось всех живых существ – и животных, и людей. Лактанций не уставал подчеркивать: то, что выглядит гармоничным и прекрасным у животного, придаст безобразный вид человеку. Например, ничего не может быть отвратительнее, чем человек покрытый щетиной или шерстью. Или наоборот – лысое животное. Однако, если сама нагота удивительно способствует красоте человека, то она не свойственна его голове. Поэтому Бог покрыл ее волосами, ибо, поместив их наверху, он как бы украсил самую высокую часть строения [2, с. 155]. И здесь речь может идти не только о человеке, но и о произведении искусства идеального скульптора или художника.

Человеческий ум, согласно Лактанцию, имеет родство с божественным и небесным. Он заключен в голове, словно в высоко расположенной крепости. Такой дворец души имеет самую совершенную форму – форму шара. Верхнюю часть головы покрывает волосистой покров. Передняя часть являет собой лицо человека, которое украшено самыми необходимыми и важными для человека частями. На лице располагаются два глаза, а по краям – пара ушей. И на этом моменте Лактанций высказывает солидарность с более ранними идеями античности, указывая, что подобная симметрич-

ность являет собой красоту. Но при этом симметрия приносит и осязаемую пользу. Так, рассуждая о красоте ушей, мыслитель отмечает, что они ничем не защищены и открыты. В противном случае они выглядели бы не столь красиво и не были бы столь удобными. Тонкость и сложность органов зрения столь удивительна, что их устройство сложно описать словами. Брови и ресницы существуют для защиты глаз. Нос, как бы вырастая из середины между бровями, разделяет их. При описании носа мыслитель не забывает упомянуть и его красоту. Эту красоту усиливает наличие двух ноздрей: с одной ноздрей он выглядел бы отталкивающе.

Отмечая парность практически всех главных членов (две ноги, две руки, два уха, два глаза) либо их раздельность на две составные части (сердце с двумя желудочками, две части мозга), Лактанций заострял внимание на том, что подобная двойственность приносит не только пользу для тела, но и украшает его. Таким образом, Лактанций приходит к заключению, что «два» – это совершенное число.

После этого Лактанций продолжает развивать свои эстетические идеи о красоте человека. Увлеченно мыслитель описывает устройство рта, увенчанного губами. Именно губы он называет главным украшением лица. Верхняя губа отделена от нижней небольшой ямкой. Нижняя же губа изящно выступает вперед. Красоту остальных черт лица, по утверждению эстета, невозможно описать словами. Восхищение особого рода вызывали у Лактанция человеческие руки. По его словам, руки созданы «искуснейшим художником» плоскими с небольшой вогнутостью, существующей для того, что удобно было удерживать взятое. Число же пальцев полно и совершенно, устройство их и порядок превосходнейшие. Как можно заметить, описание идеального человеческого существа у Лактанция происходит не с утилитарной, а с преобладающей эстетической точкой зрения. При чтении его описания человека можно прийти к выводу, что нам представлен эстетический анализ скульптурного произведения талантливого мастера [1, с. 157].

На завершающем этапе античного мира мыслители активным образом стали выступать против эстетических воззрений римского общества. В частности, это касалось культа внешней красоты. Особо порицались чрезмерная роскошь и дорогостоящие украшения. По мнению ранних христиан, под излишествами скрывались низменные пороки и зло.

Об этом подробно рассуждал Юстин. Он опирался на известный рассказ Ксенофонта о Геракле, которых познакомился с пороком и добродетелью в образе женщин. Аллегория порока была соблазнительна, очаровательна и носила роскошное убранство. Она обещала Гераклу всяческие блага. И напротив, добродетель обладала простым лицом и грубой одеждой. Ее речи были иные. Она утверждала, что в случае, если герой последует за ней, ему удастся избежать мнимой красоты. Наградой же ему будут прекрасные и вечные украшения [14, с. 239].

Подобные вечные «украшения» и привлекали ранних христиан, поскольку они сохраняли уверенность, что избегающий мнимой красоты и стремящийся к тому, что считается трудным и парадоксальным, получает блаженство [13, с. 226]. Это значит, что вкусовые и эстетические предпочтения заката античной эпохи были обусловлены религиозным аспектом.

Так, по мнению Юстина красота внешних образов изначально была отнесена к добродетели и являлась отражением ее сущности. Вместе с тем, порок в целях прикрытия своих действий стремился к укрытию под формой, которая не была для него присущей. По этой причине добродетели, дабы не иметь общих черт с пороком, вынуждены отказаться от внешней красоты. И наоборот, порок всегда совершенствует форму своей маскировки.

Однако апологеты во II веке не высказывали отрицания естественной человеческой красоте. И более того – в естественной красоте природы и человека они приобретали если не новейший, то иным образом осмысленный предыдущий идеал. Также они активно выступали против блудников, бесчестящих и оскорбляющих «прекраснейшие и священнейшие» тела юношей и девушек. Осу-

ждению подвергалось желание людей украшать себя при помощи драгоценных украшений, одежды, косметики. С одной стороны, это воспринималось как провоцирование возбуждения излишних страстей. С другой – как искажение и умаление естественной человеческой красоты.

Вместе с тем, именно в этот период изощренность ювелиров и художников-костюмеров достигла своего апогея. Знатные девы поражали свет новыми и чрезвычайно дорогостоящими образцами позднеантичной моды.

Приняв христианство в период II–III века, состоятельные девушки и дамы не желали расставаться со своими вкусовыми привычками. И даже в храмы они приходили словно в театр или цирк, ослепляя окружающих своими украшениями [1, с. 227].

Окончательный распад эстетической античной мысли произошел в III в. н. э. Это было время разложения рабовладельческой формации, что, по утверждению А.Ю. Курченко, определило процессы идейной деградации. На тот момент в качестве главного эстетического удовольствия стали выступать различные общественные зрелища. На них присутствовали не только мужчины, но и женщины с детьми; сенаторы и даже императоры принимали в них самое деятельное участие. Наиболее предпочтительной стала комедия. Однако привлекательными считались игры в амфитеатре и цирке, которые своими сценами провоцировали нравственное огрубение населения [3, с. 29].

В заключение можно прийти к выводу, что в эпоху поздней античности понимание вкуса носило не онтологический характер, а гносеологический. Красота была определена не столь гармонией, мерой и симметрией, как это было в более ранней античности, а формами, идеями, замыслами и обращением к внутреннему, духовному миру. Можно сказать, что мыслители обратили свой взор вовнутрь человека.

Главная характерная черта вкуса поздней античности – это преподнесение непривлекательного или даже безобразного в качестве идеала красоты. Главное условие для прекрасного – это наличие

нравственности и добродетели. Это значит, что имеет смысл сказать о тесной связи этики и эстетики в период поздней античности. Красота определяется не внешним обликом, а образом жизни, образом действий. Именно от личного выбора индивида зависит оценка его сущности во вкусе. Таким образом, вкус поздней античности – это синтез нравственных учений и новаторских эстетических подходов, созданный представителями ведущих философских школ. Несмотря на то, что на тот момент еще не существовало стройной концепции вкуса, заслуга этого периода кроется в обогащении эстетической мысли человека.

Список литературы

1. Бычков В.В. Эстетика поздней античности (II-III вв.). М.: Издательство Наука, 1981. 326 с.
2. Гуревич П.С. Эстетика: учебное пособие / П.С. Гуревич. М.: КНОРУС, 2011. 456 с.
3. Курченко А.Ю. Динамика интеллектуальных и эстетических развлечений в позднюю античность // Актуальные вопросы в науке и практике. Сборник статей по материалам VIII международной научно-практической конференции. В 3 частях. Ответственный редактор Халиков А.Р., 2018. С. 26–30.
4. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Кн. 2. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. 544 с.
5. Манашов М.Э. Эстетика безобразного в кинической школе античности и ее проявление в современности / М.Э. Манашов, Н.А. Токторбекова // Вестник Ошского государственного университета. 2014. №4-2. С. 145–151.
6. Нахов И.М. Антология кинизма / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Издательство Наука, 1984. 400 с.
7. Петрович-Белкин О.К. История и культура Европы: учебное пособие для среднего профессионального образования / О.К. Петрович-Белкин. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 169 с.
8. Плотин. О прекрасном / Пер. Ф.Ф. Лосева. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. 960 с.

9. Плотин. Эннеады / Перев. с древнегреч. и англ. М.: УЦИММ-ПРЕСС, 1995. 394 с.
10. Федулов С.С. Философия кинизма как форма сопротивления элитарной культуре // Ценности и нормы в потоке времени. Материалы VI Международной научной конференции. Б.С. Шалютин (отв. редактор), 2015. С. 124–124.
11. Brehier E. Laphilosophie de Plotin. Librairie philosophique J. Vrin. Paris, (1999): 210.
12. Paris: Les Belles Lettres. Proclus Sur le Premier Alcibiade de Platon , vol. I-II изд. A. Ph. Segonds, Paris: Les Belles Lettres. (1985–1986): 320.
13. Proclus. Théologie Platonicienne, vol. V. Ed. H.D. Saffrey-L.G. Westerink, (1968–1997).
14. Sablon Leiva E.A. Justin the philosopher: points of contact theology and philosophy in the period of the early church. Ukraine, no 92 (2017): 238-243.
15. Ulrich Simon. Heaven in the Christian Tradition. New York: Harper, (1958): 236.

References

1. Bychkov V.V. *Estetika pozdney antichnosti (II-III vv.)* [Aesthetics of late antiquity (II–III centuries)]. Moscow: Nauka Publishing House, 1981. 326 p.
2. Gurevich P.S. *Estetika* [Aesthetics]: textbook. Moscow: KNORUS, 2011. 456 p.
3. Kurchenko A. Yu. Dinamika intellektual'nykh i esteticheskikh razvlecheniy v pozdneyuyu antichnost' [Dynamics of intellectual and aesthetic entertainment in late antiquity]. *Aktual'nye voprosy v nauke i praktike. Sbornik statey po materialam VIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Actual issues in science and practice. Collection of articles based on the VIII international scientific and practical conference]. In 3 parts. Executive editor Khalikov A.R., 2018. pp. 26–30.
4. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Poslednie veka* [History of ancient aesthetics. Last century]. Vol. 2. Moscow: LLC «publishing house ACT», 2000. 544 p.

5. Manashov M.E , Toktorbekova N.A. Estetika bezobraznogo v kinicheskoj shkole antichnosti i ee proyavlenie v sovremennosti [Aesthetics of the ugly in the cynical school of antiquity and its manifestation in modernity]. *Vestnik Oshskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Osh state University]. 2014. No. 4-2. pp. 145–151.
6. Nakhov I.M. *Antologiya kinizma* [Anthology of cynicism edited]/ by A.A. Takho-godi. Moscow: Nauka Publishing House, 1984. 400 p.
7. Petrovich-Belkin O.K. *Istoriya i kul'tura Evropy: uchebnoe posobie dlya srednego professional'nogo obrazovaniya* [History and culture of Europe: textbook for secondary vocational education]. Moscow: Yurayt Publishing House. 2019. 169 p.
8. Plotin. *O prekrasnom* [About the beautiful]. Transl. F.F. Losev. Moscow, 2000. 960 p.
9. Plotin. *Enneady* / Transl. Moscow, 1995. 394 p.
10. Fedulov S.S. *Filosofiya kinizma kak forma soprotivleniya elitarnoy kul'ture* [Philosophy of kinism as a form of resistance to elite culture]. *Tsennosti i normy v potoke vremeni. Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Values and norms in the flow of time. Proceedings of the VI International scientific conference]. B. S. Shalyutin (Rev. editor), 2015. pp. 124–124.
11. Brehier E. *Laphilosophie de Plotin*. Librairie philosophique J. Vrin. Paris, 1999. p. 210.
12. Paris: Les Belles Lettres. *Proclus Sur le Premier Alcibiade de Platon*, Vol. I-II. A. Ph. Segonds, Paris: Les Belles Lettres, 1985-1986. p. 320.
13. Proclus. *Théologie Platonicienne*, Vol V. Ed. H. D. Saffrey-L.G. Westerink, 1968–1997.
14. Sablon Leiva E.A. Justin the philosopher: points of contact theology and philosophy in the period of the early church. Ukraine. 2017. No 92. pp. 238–243.
15. Ulrich Simon. *Heaven in the Christian Tradition*. New York: Harper. 1958. p. 236.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Верховцева Юлия Александровна, аспирант кафедры философии, культурологии и социологии
*ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
проезд Северный 1, г. Оренбург, Оренбургская область,
460052, Российская Федерация
tretiakova.1991@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Verkhovtseva Yulia Aleksandrovna, Post-graduate student of the Department of philosophy, of science cultural studies and sociology
*Orenburg State University
1, Severny passage, Orenburg, Orenburg Region, 460052, Russian Federation
tretiakova.1991@yandex.ru*